

УДК 81'23
DOI 10.17223/18137083/75/22

**Ассоциативная связь «война – победа»
в русском языковом сознании студентов и курсантов
(психолингвистический аспект)**

Р. А. Кафтанов

*Новосибирский военный институт
им. генерала армии И. К. Яковлева ВНГ РФ
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию ассоциативной связи «война – победа», представленной в различных русских ассоциативных базах данных. Исследование показывает, что ассоциативная связь «война – победа» имеет низкую степень актуальности в обыденном языковом сознании. Это явление носит универсальный характер (что подтверждают исследования американской, британской, французской и испанской ассоциативных баз данных) и не зависит от географического региона, поколения или национальности. Актуальность ассоциативной связи «война – победа» возрастает в языковом сознании военных, которые относят слово *победа* не к историческому событию, а к продукту профессиональной деятельности. Таким образом, профессиональная идентификация испытуемых влияет на семантические и статистические характеристики ассоциатов.

Ключевые слова

ассоциативное поле, ассоциативно-вербальная сеть, языковое сознание военных, русские ассоциативные базы данных и словари, война, победа

Для цитирования

Кафтанов Р. А. Ассоциативная связь «война – победа» в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 312–324. DOI 10.17223/18137083/75/22

**Associative connection “war – victory”
in the Russian language consciousness of students
and military cadets (psycholinguistic aspect)**

R. A. Kaftanov

*Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev
of Federal Guard Service of the Russian Federation
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper focuses on studying the associative connection “war – victory,” as represented in various Russian associative databases. The databases under examination include two all-Russian associative dictionaries of the end of the last century, two modern Russian regional associative bases combining verbal reactions of students who live in the European part

© Р. А. Кафтанов, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

of Russia and Siberia, respectively, and the sub-corpus of associations obtained in the psycholinguistic experiment with the military cadets of one of the Russian military academies. The study shows that the associative connection “war – victory” has a low degree of relevance in the ordinary linguistic consciousness. This phenomenon, also found in American, British, French, and Spanish associative databases, turns out to be universal and does not depend on geographical area, generation, or nationality. The most frequent reactions to stimulus “war” obtained from Russian civilian students in different years and different geographical regions may be grouped into approximately four semantic zones: the war as the opposite of peace, Lev Tolstoy’s novel “War and Peace,” death, the Great Patriotic war (1941–1945). The relevance of the associative connection “war – victory” is stronger in the linguistic consciousness of the military servicemen. The reactions to stimulus “war” in the military cadets’ associative base show that the cadets refer the word *war* not to a historical event but a professional activity, with *victory* being its product and desirable result. Thus, the professional identification of experiment subjects is found to affect the semantic and statistical characteristics of the associates.

Keywords

associative field, associative-verbal network, linguistic consciousness of the military, Russian associative databases and dictionaries, war, victory

For citation

Kaftanov R. A. Associative connection “war – victory” in the Russian language consciousness of students and military cadets (psycholinguistic aspect). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, p. 312–324. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/22

Недавно в нашей стране отмечалось 75-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне. Эта юбилейная дата актуализировала в обществе размышления о празднуемом историческом событии, о его значении для жизни страны и человеческой цивилизации в целом. Государство продемонстрировало стойкую приверженность идеалам победы, несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию в стране и мире, а также на фоне участвовавших в разных концах мира попыток ревизии исторических событий, связанных со Второй мировой войной. Попытки некоторых западных политиков и публицистов «реанимировать право-консервативные или ревизионистские направления историографии, чтобы обосновать превентивный характер войны гитлеровской Германии против СССР» [Акаев, 2015, с. 71] и контрмеры, предпринимаемые политическим руководством России, вплоть до введения в конституцию поправки о защите исторической правды¹, – все это приобрело вид полномасштабной информационной межцивилизационной войны.

Немаловажно исследовать степень актуальности великой победы в языковом сознании рядового носителя русского языка, выявить смыслы, которыми обрастает это историческое событие, с каждым годом отдаляющееся от нас вглубь истории.

Великую Отечественную войну можно охарактеризовать как *место памяти*. Под этим термином Ю. Н. Караулов подразумевает «крупные явления национальной истории и культуры, известные большинству носителей данного языка и культуры» [Караулов, 1999, с. 154]. Защитникам исторической правды было бы немаловажно понять, насколько устойчиво в национальной культуре место памя-

¹ См. Новый текст Конституции с поправками 2020, Статья 67.1, пункт 3: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

ти, связанное с Великой Отечественной войной. Официальная поддержка идеалов победы, конечно же, способствует живучести исторических образов, но, как показали недавние исторические события (распад СССР, рост агрессивного национализма и др.), годами насаждаемые ценности могут в одночасье быть преданы забвению большими группами населения, а прежде преследуемые идеи расцвести буйным цветом.

Анализ мест памяти может оказаться полезным при формировании положительного имиджа вооруженных сил. Конечно, при этом необходимо прежде всего транслировать через средства массовой информации «новые представления об армии, ее военном потенциале и положительных сторонах службы в армии, что, вне всякого сомнения, повышает престиж военнослужащих, авторитет армии и вызывает у простого народа чувство патриотизма и гордости за отечество» [Калинин, 2018, с. 55]. Однако эти чувства могут быть многократно усилены при помощи исторических примеров великих побед.

Для выявления и исследования мест памяти психолингвистика предлагает свой инструментарий в виде ассоциативно-вербальной сети (далее по тексту – АВС), созданной на основе материала ассоциативного психолингвистического эксперимента. Данный тип эксперимента подробно описан в трудах зарубежных и российских исследователей [Залевская, 1971; 2011; Караулов, 1999; 2002; 2010; Anderson, Bower, 1973; Jenkins, 1970; Kiss, 1968; 1973; Marshall, Cofer, 1963; Nelson et al., 2000].

В динамической смысловой структуре АВС отражается психически актуальное словообразование, характерное для идентификационных этнических процессов [Шапошникова, 2015, с. 120–121]. Связи, которые образует слово *война* в АВС, могут раскрыть смыслы, которые в это слово вкладывают носители данного языка и культуры, выявить типичные образы, оценочные эпитеты, связанные с этим явлением в этническом языковом сознании.

Исследование смысловых связей слова *война* не теряет своей актуальности, поскольку «тема конфликтов, войн, противостояния всегда занимала важное место в сознании человека, и можно без преувеличения сказать, что история человечества в целом и история каждой отдельной цивилизации – это история войн. В связи с этим концепт “война” является универсальным и представляет собой важный компонент культурного знания, он включает в себе опыт познания этого сложного и неоднозначного феномена» [Потапчук, 2011, с. 48]. Универсальность концепта *ВОЙНА* подкрепляется исследованием В. Е. Крышталева, которая приходит к выводу, что «военная метафора является архетипичной для человеческого сознания, она имеет своим истоком животный мир и отражает естественную потребность людей в выражении агрессии» [Крышталева, 2019, с. 80].

Для психолингвистического исследования слова *война* мы использовали ряд ассоциативных баз, эталонных для анализа общерусского языкового сознания в синхронно-диахронном аспекте [Шапошникова, 2017]. Ассоциативные базы (САНРЯ, РАС, ЕВРАС, СИБАС) можно рассматривать как *студенческие*, поскольку участниками экспериментов выступали студенты различных, преимущественно гражданских вузов. Во всех этих ассоциативных базах слово *война* было использовано в качестве одного из стимулов.

Особый интерес представляет выявление смысловых связей исследуемого слова в сознании курсантов военных вузов – тех, для кого война является профессиональным делом. Такое исследование могло бы способствовать выявлению смысловых акцентуаций молодого поколения, которое формирует костяк воору-

женных сил, что рассматривается нами как актуальная задача, отвечающая потребностям общества.

Для исследования курсантов мы выбрали подкорпус военных ассоциаций СИ-БАС (ПВАС), созданный на материале психолингвистического ассоциативного эксперимента, проведенного в 2015 г. с курсантами одного из высших военных учебных заведений, расположенных в Сибири.

Поскольку целью эксперимента было построение модели профессиональной идентификации военного, в качестве одного из стимулов испытуемым курсантам было предложено слово *война*, как один из слотов фрейма профессиональной деятельности военного.

В использовании терминов *фрейм* и *слоты* проявляется междисциплинарный характер психолингвистики. Теория фреймов была разработана исследователем искусственного интеллекта М. Минским. Согласно этой теории, фрейм – это структура данных для представления стереотипной ситуации, которую человек извлекает из памяти, когда пытается познать новую для себя ситуацию или переосмыслить привычные вещи. При этом изменяются или конкретизируются отдельные элементы фрейма – слоты [Минский, 1979; Minsky, 1988, p. 245].

Неслучайно эту концепцию фреймов переняли психолингвисты. Как фрейм образно имеет вид сети, которая состоит из узлов и связей между ними, так и значение слова можно представить в виде структуры, состоящей из определенных связей [Красных, 2001, с. 39].

А. А. Леонтьев разработал концепцию деятельностного фрейма как характеристику события по определенному набору параметров, или слотов: субъект, потребность, объект, мотив, действие, цель, операция, орудие и др. [Леонтьев А. А., 1997, с. 9]. Основные слоты деятельностного фрейма соответствуют компонентам деятельности, выделенным А. Н. Леонтьевым [2001, с. 82–90].

Фрейм профессиональной деятельности военных, составленный нами на основе концепций А. Н. Леонтьева и А. А. Леонтьева, представлен в табл. 1. Война в этом фрейме рассматривается как определенным образом организованная совокупность действий; победа – как цель.

АВС, выявленная на эмпирическом материале ассоциативного эксперимента, структурно состоит из ассоциативных полей (далее по тексту – АП). Каждое АП формируется вокруг слова-стимула и всех слов-реакций, которыми ответили испытуемые на данный стимул. Анализ этого массива позволяет раскрыть устойчивые концентрации связей, образуемых словом-стимулом. В структуре АП можно выделить устойчивую часть или ядро (ассоциаты, многократно повторяющиеся в ходе эксперимента) и периферию (одиночные реакции).

В табл. 2 приведены основные характеристики АП ВОЙНА в САНРЯ, РАС, ЕВРАС, СИБАС и ПВАС. В табл. 3 даны самые устойчивые ассоциаты АП ВОЙНА в этих же источниках. В списках реакций цифра полужирного начертания после каждой реакции обозначает количество испытуемых, которые ответили на стимул ВОЙНА данным словом. Несколько разных реакций с одинаковым индексом частотности расположены в алфавитном порядке и отделяются друг от друга точкой с запятой.

При сравнительно-сопоставительном синхронно-диахронном анализе АП ВОЙНА в САНРЯ, РАС, ЕВРАС, СИБАС и ПВАС нами был выявлен ряд системных особенностей в плане семантики и интенсивности высокочастотных реакций.

Фрейм деятельности военного
The activity frame of a military serviceman

Таблица 1

Table 1

Имя слота	Значение слота
Субъект	Военный профессионал, он же языковая личность, носитель профессионального языкового сознания (офицер, солдат, курсант).
Объект	<ul style="list-style-type: none"> • Подчиненные (солдаты, подразделение); • Находящиеся под охраной и защитой (государство, правительство, народ, конкретный объект); • Противоборствующий субъект (враг, противник).
Орудия	Вооружение и оснащение.
Мотивы и цели	<ul style="list-style-type: none"> • На социальном уровне: свобода и независимость государства, победа над врагом; • На бытовом уровне: денежное довольствие, карьера.
Совокупности действий, направленные на достижение целей и реализацию мотивов	<ul style="list-style-type: none"> • Служба (в мирное время) – комплекс действий по обеспечению обороноспособности и национальной безопасности государства (учебно-боевая подготовка, поддержание готовности войск, охрана и т. д.); • Война (в военное время) – применение военной силы (наступление, оборона, разведка и т. д.).
Операции, осуществляемые в рамках деятельности	Конкретные действия (охранять, оборонять, наступать, вести огонь и т. д.).

Характеристики ассоциативного поля ВОЙНА

Таблица 2

Table 2

Specifications of the associative field WAR

	САНРЯ	РАС	ЕВРАС	СИБАС	ПВАС
Всего реакций	205	631	535	498	666
Различных реакций	82	211	160	159	222
Единичных реакций	57	146	105	116	150
Устойчивых реакций	148	485	430	382	516

Stable reactions of the associative field WAR

	Устойчивые ассоциаты (свыше 1 %)
САНРЯ	мир 56 ; ужас 11 ; Отечественная 9 ; страшная 7 ; не нужна; ужасная 6 ; жестокая; народная; разруха; разрушительная; смерть 4 ; горе; захватническая; кровь; ненужная; страшно 3
РАС	мир 92 ; миров 51 ; и мир 41 ; смерть 28 ; Отечественная 18 ; страшная 17 ; ужас 14 ; мировая 13 ; жестокая 12 ; горе; народная 9 ; кровь; страх 7
ЕВРАС	смерть 83 ; мир 62 ; миров 38 ; и мир 33 ; кровь 21 ; ужас 13 ; плохо 12 ; оружие 11 ; боль; зло 10 ; страх 9 ; мировая 8 ; жестокая; разруха; убийство 6
СИБАС	смерть 77 ; мир 53 ; миров 37 ; и мир 35 ; кровь 26 ; зло 15 ; страх 11 ; горе 10 ; боль; оружие; убийство 8 ; плохо 7 ; жестокая; ужас 6
ПАВАС	смерть 83 ; мир 65 ; миров 52 ; зло 30 ; и мир; плохо 23 ; победа 19 ; страх 14 ; мировая 12 ; скоро 8 ; кровь 7

1. В ассоциативных базах 2010-х гг. (ЕВРАС, СИБАС и ПАВАС) ассоциат *смерть* становится самым частотным, вместо ассоциата *мир*, который являлся преобладающим в САНРЯ и РАС.

2. В ассоциативных базах 2010-х гг. отсылки к Великой Отечественной войне приобретают более экстенсивный характер, т. е. проявляются чаще всего в виде единичных реакций или повторяющихся реакций с невысоким частотным показателем. Для сравнения: в САНРЯ и РАС прямое указание на исследуемое нами историческое событие входит в число самых частотных ассоциатов (*Отечественная*), демонстрируя интенсивный способ представления смыслов. Поскольку «измерение интенсивности показывает устойчивость выявленных <...> смысловых акцентов» [Шапошникова 2019, с. 165], можно констатировать общее ослабление укорененности образа Великой Отечественной войны в сознании испытуемых 2010-х гг. Возросшая экстенсивность прямых отсылок к данному историческому событию показывает «как специфическую укорененность смысловых акцентов в разнообразии связей, так и их недостаточную сформированность» [Там же, с. 167].

3. В ассоциативных базах 2010-х гг. снижается частотность эпитетов, характеризующих войну. Если в САНРЯ и РАС разнообразные оценочные эпитеты выражены высокочастотными ассоциатами (*страшная, ужасная, жестокая, разрушительная, ненужная*), то в СИБАС и ЕВРАС война преимущественно только *жестокая*, а среди ассоциатов ПАВАС с высоким индексом частотности вообще отсутствуют оценочные эпитеты.

4. В ассоциативных базах САНРЯ, РАС, ЕВРАС, СИБАС ассоциат *победа* находится на периферии АП ВОЙНА, тогда как в ПАВАС он обладает высокой частотностью (индекс частотности – 19).

Мы уже рассматривали первое из этих двух явлений – смену рангов реакций *мир* и *смерть* и ослабление интенсивности прямой отсылки к Великой Отечест-

венной войне – в [Кафтанов, 2019] и [Кафтанов, 2020] соответственно. Настала очередь проанализировать смысловую ассоциацию «война – победа» в языковом сознании российских студентов и курсантов.

АП слова-стимула объединяет в своем составе множество ответов группы испытуемых. При внимательном рассмотрении этого множества «мы обнаруживаем, что ответы (реакции) испытуемых тяготеют по своей семантике к определенным характеристикам стимула, группируясь естественным образом вокруг нескольких (как правило, частотных в статье) реакций-концептов» [Караулов, 2015, с. 19]. Таким образом, «в структуре АП можно выделить несколько зон, в которых концентрируются вербальные единицы, способные представлять (акцентировать) те или иные смыслы. Каждая из зон отражает, как правило, какую-то одну смысловую грань образа, стоящего за словом. Распределение ассоциатов по разным зонам может осуществляться на основе представленных ими смыслов» [Шапошникова, 2019, с. 164]. Исходя из этого принципа, мы выделили в АП ВОЙНА семантическую зону «Цель войны», представленную в табл. 4.

Таблица 4

Семантическая зона «Цель войны»

Table 4

Semantic zone “Purpose of war”

	САНРЯ	РАС	ЕВРАС	СИБАС	ПВАС
Ядро	–	победа ²	победа ²	жизнь; победа ²	победа ¹⁹ ; за свободу ³ ; до победы ²
	–	0,4 % ядра АП	0,5 % ядра АП	1 % ядра АП	4,7 % ядра АП
Периферия	освобождение	борьба за жизнь; жизнь; за независимость	День Победы; за жизнь; за мир	до победного конца; за жизнь; за независимость; отечество; родина; семья	за жизнь; за отечество; за родину; до конца; жизни; жизнь; независимость; свобода
		1,8 % периф. АП	2,9 % периф. АП	5,2 % периф. АП	5,3 % периф. АП
		0,5 % АП	0,8 % АП	0,9 % АП	4,8 % АП

В исследуемых нами ассоциативных базах словоформы, указывающие на цели и смыслы войны, являются с точки зрения грамматики:

- именными словосочетаниями с предлогами *за* (*за жизнь; за отечество*) или *до* (*до победы; до конца*);
- существительными в именительном падеже (*победа; жизнь*).

В последнем случае для грамматикализации пары стимул-реакция необходимо изменить падеж либо стимула, либо реакции: *война до победы, победа в войне, цель войны – победа*.

Общий смысл всех вербальных единиц рассматриваемой семантической зоны АП ВОЙНА можно выразить примерно следующим образом: самая главная цель войны – *победа* над врагом – является условием достижения сопутствующих целей, выраженных словами: *жизнь, свобода, независимость* (отечества или родины).

Количественный анализ ассоциатов показывает, что ассоциативная пара «война – победа», по всей видимости, не является доминантной для обыденного сознания. Даже обзор высокочастотных реакций (см. табл. 3) показывает, что слово *война* в сознании испытуемых студентов вызывает чаще всего:

- антоним *мир*, как член универсальной дихотомии «война – мир»;
- отсылку к прецедентному тексту – произведению Л. Н. Толстого «Война и мир»;
- отрицательные эпитеты, связанные со смертью;
- отсылку к месту памяти – Великой Отечественной войне (характерно для САНРЯ и РАС).

Победа и другие цели войны довольно редко актуализируются в сознании испытуемых. Исследования ассоциативных баз ряда европейских языков – английского (Kiss et al., 1972; Nelson et al., 1999), испанского [Санчес Пуиг М. и др., 2001] и французского (DAF, 2008–2010) – свидетельствует в пользу универсальности этого явления: в иноязычных ассоциативных базах отсутствуют эквиваленты русским словам *победа, свобода, независимость* в АП, объединяющих реакции вокруг стимула, эквивалентного русскому слову *война*.

Для испытуемых ПВАС, наоборот, цель деятельности является более значимым аспектом, о чем свидетельствует довольно большое количество ассоциатов в семантической зоне «Цель войны» (4,8 % от общего количества реакций АП). Актуализация цели деятельности рассматривается нами как одно из ярких проявлений профессиональной идентификации.

В статье [Кафтанов, 2020] показано, что если гражданские испытуемые при слове *война* чаще всего вспоминали исторические события (в основном Великую Отечественную войну), то испытуемые курсанты чаще всего называли будущие конфликты с вероятным противником – преимущественно, государствами западной цивилизации. В ассоциатах ПВАС проявлялась профессиональная идентификация военных. Война будущего – это война, к которой они готовятся в своей повседневной деятельности.

Исходя из этого мы можем с уверенностью предполагать, что в курсантской ассоциативной базе *победа* – это не та историческая победа, о которой мы вспоминаем каждый год 9 мая и на которую прямо указал один из испытуемых ЕВ-РАС (одиночный ассоциат *День Победы*). Для курсантов *победа* – это цель деятельности, важный компонент деятельностного фрейма. Неслучайно ассоциаты, семантической зоны «Цели войны» составляют в АП ВОЙНА в ПВАС 4,8 % всех реакций поля, что намного превышает аналогичные показатели в других ассоциативных базах. При этом большинство «целевых» ассоциатов сосредоточено в ядре АП (в студенческих базах – на периферии). Если говорить конкретно о слове *победа*, то мы видим его среди высокочастотных ассоциатов ПВАС. Слово употреблено испытуемыми 19 раз, что составило приблизительно 2,85 % от всех ассоциа-

тов АП. Это довольно высокий показатель, учитывая, что в студенческих базах он меньше 1 %, а в САНРЯ вообще нет реакции *победа* на стимул *война*.

Можно сделать вывод, что в обыденном языковом сознании сохраняется память о Великой Отечественной войне, как крупном явлении национальной истории и культуры. Отсылка к победе в войне имеет место в единичных случаях, даже в словарях САНРЯ и РАС, где образ Великой Отечественной войны характеризовался более высокой интенсивностью, чем в последующие годы. Слабую степень актуализации победы можно объяснить тем, что для обыденного сознания, как показали данные ассоциативных баз русских и ряда европейских языков, нехарактерна ассоциативная пара «война – победа». По всей видимости, более глубокий след в народной памяти оставляет именно сама война, как долгий, напряженный и трагический период. На фоне многодневных тяжелых испытаний победа как явление позитивное, но моментальное, отходит на второй план. В сознании испытуемого в условиях ассоциативного эксперимента оно не успевает актуализироваться.

Наше исследование демонстрирует влияние профессиональной идентификации на семантический и количественный состав реакций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента. Испытуемые курсанты видят в войне прежде всего свою профессиональную деятельность и самое ценное и важное в этой деятельности – ее продукт, завершение. Поэтому победа как цель деятельности обладает высокой степенью актуальности.

Список литературы

Акаев В. Х. Вторая мировая война в интерпретации западных и российских «исследователей»: попытки ревизии // Вестник Калм. ин-та гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 71–75.

Залевская А. А. Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов // Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики: Учен. зап. Калнин. гос. пед. ин-та. 1971. Т. 98, ч. 2. С. 3–62.

Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Калинин О. И. Метафорический образ НОАК в СМИ КНР // Политическая лингвистика, 2018. Вып. 6, № 72. С. 55–59.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 1. С. 749–782.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2010. 328 с.

Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3 (25). С. 14–35.

Кафтанов Р. А. Динамика образа войны в русском языковом сознании (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 149–160.

Кафтанов Р. А. Война в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 154–165.

- Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
- Крышталева В. Е.* Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–90.
- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
- Потапчук М. А.* Концепт «Война» в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. Т. 4, № 17. С. 48–52.
- Санчес Пуиг М., Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А.* Ассоциативные нормы испанского и русского языков = Normas asociativas del español y del ruso / РАН. Отделение лит. и яз., Мадрид. гос. ун-т Комплутенсе. Москва; Мадрид, 2001. 496 с.
- Шапошникова И. В.* «Государственность большого стиля» и «государственный минимализм»: актуальные смыслы в структуре русского языкового сознания? // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 120–133.
- Шапошникова И. В.* Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 124–145.
- Шапошникова И. В.* Теория актуальна, пока она работает // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 156–173.
- Anderson J. R., Bower G. H.* Human associative memory. Washington, DC: Winston & Sons, 1973. 524 p.
- Jenkins J.* The 1952 Minnesota word association norms // Norms of Word Association / Ed. by L. Postman, G. Keppel. New York; London: Academic Press, 1970. P. 1–38.
- Kiss G. R.* Words, Associations, and Networks // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1968. No. 7. P. 707–713.
- Kiss G. R.* Grammatical word classes: a learning process and its simulation // The Psychology of Learning and Motivation. 1973. Vol. 7. P. 1–41.
- Marshall G. R., Cofer Ch. N.* Associative indices as measures of word relatedness: a summary and comparison of ten methods // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1963. Vol. 1. P. 408–421.
- Minsky M.* The Society of Mind. New York: Simon & Schuster, 1988. 336 p.
- Nelson D. L., McEvoy C. L., Dennis S.* What is free association and what does it measure? // Memory & Cognition. 2000. No. 28 (6). P. 887–899.

Список источников

- ЕВРАС – *Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения 06.07.2020).
- ПВАС – Подкорпус ассоциаций военных / Сост. Р. А. Кафтанов, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 06.07.2020).
- РАС – Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 2002. Т. 1–2. URL: <http://tesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 06.07.2020).
- САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. 192 с.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015) // Сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 06.07.2020).

DAF – Dictionnaire associative du français (2008–2010) / Сост. М. Дебрэнн, Н. В. Уфимцева, А. А. Романенко. URL: <http://dictaverf.nsu.ru/> (дата обращения 06.07.2020).

Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The associative thesaurus of English. Edinburgh: Uni. of Edinb., MRC Speech and Communication Unit, 1972. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/rali/?q=en/Textual%20Resources/EAT> (дата обращения 06.07.2020).

Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. Word Association, Rhyme and Fragment Norms. The University of South Florida, 1999. URL: <http://luna.cas.usf.edu/~nelson/> (дата обращения 06.07.2020).

References

Акаев В. Kh. Vtoraya mirovayavoyna v interpretatsii zapadnykh i rossiyskikh “isledovately”: popytkirevizii [The Second World War in the interpretation of the Western and Russian “researchers”: attempts of revision]. *Oriental Studies*. 2015, no. 2, pp. 71–75.

Anderson J. R., Bower G. H. *Human associative memory*. Washington, DC, Winston & Sons, 1973, 524 p.

Jenkins J. The 1952 Minnesota word association norms. In: *Norms of word association*. L. Postman, G. Keppel (Eds). New York, London, Academic Press, 1970, pp. 1–38.

Kaftanov R. A. Dinamika obraza voyny v russkom yazykovom soznanii (psikholingvisticheskiy aspekt) [Dynamics of the image of war in the Russian language consciousness (psycholinguistic aspect)]. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2019, vol. 17, no. 1, pp. 149–160.

Kaftanov R. A. Voyna v russkom yazykovom soznanii studentov i kursantov (psikholingvisticheskiy aspekt) [Wars in Russian language consciousness of students and military cadets (psycholinguistic aspect)]. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020, vol. 18, no. 3, pp. 154–165.

Kalinin O. I. Metaforicheskiy obraz NOAK v SMI KNR [Metaphorical image of Chinese People’s Liberation Army in Chinese mass media]. *Political Linguistics*. 2018, iss. 6, no. 72, pp. 55–59.

Karaulov Yu. N. *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active grammar and associative-verbal net]. Moscow, The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, 1999, 180 p.

Karaulov Yu. N. Russkiy assotsiativnyy slovar' kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti [Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for analyzing language ability]. In Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Moscow, Astrel', AST, 2002, vol. 1, pp. 749–782.

Karaulov Yu. N. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative grammar of the Russian language]. Moscow, LKI, 2010, 328 p.

Karaulov Yu. N. Assotsiativnyy yanaliz: novyy podkhod k interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Association analysis: the new approach to the literary text interpretation]. *Journal of Psycholinguistics*. 2015, no. 3 (25), pp. 14–35.

Kiss G. R. Words, associations, and networks. *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1968, no. 7, pp. 707–713.

Kiss G. R. Grammatical word classes: a learning process and its simulation. *The psychology of learning and motivation*. 1973, vol. 7, pp. 1–41.

Krasnykh V. V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii: Kurs lektsiy* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: A course of lectures]. Moscow, Gnozis, 2001, 270 p.

Kryshchaleva V. E. Military metaphors in the discourse of the presidents of Russia and France in the beginning of the 21st century. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2019, vol. 17, no 2, pp. 77–90.

Leont'ev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Smysl, 1997, 287 p.

Leont'ev A. N. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smysl, 2001, 511 p.

Marshall G. R., Cofer Ch. N. Associative indices as measures of word relatedness: a summary and comparison of methods. *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1963, vol. 1, pp. 408–421.

Minskiy M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for representing knowledge]. Moscow, Energiya, 1979, 151 p.

Minsky M. *The society of mind*. New York, Simon & Schuster, 1988, 336 p.

Nelson D. L., McEvoy C. L., Dennis S. What is free association and what does it measure? *Memory & Cognition*. 2000, no. 28 (6), pp. 887–899.

Potapchuk M. A. Kontsept “Voyna” v russkom yazyke i kul'ture [Concept “War” in the Russian language and culture]. *Chelyabinskiy gumanitarniy*. 2011, vol. 4, no. 17, pp. 48–52.

Sanches Puig M., Karaulov Yu. N., Cherkasova G. A. *Assotsiativnye normy ispanского i russkogo yazykov* [Associative norms of Spanish and Russian languages]. Moscow, RAS, Complutense University of Madrid, Department of Literature and Philology, Moscow, Madrid, 2001, 496 p.

Shaposhnikova I. V. “Gosudarstvennost' bol'shogo stilya” i “gosudarstvennyy minimalizm”: aktual'nye smysly v structure russkogo yazykovogo soznaniya? [“The statehood of great style” and “state minimalism”: actual meanings in the structure of Russian language consciousness?]. *Journal of Psycholinguistics*. 2015, no. 2 (24), pp. 120–133.

Shaposhnikova I. V. Motivatsionnaya baza reformy obrazovaniya i professional'naya identifikatsiya russkoy yazykovoy lichnosti [Motivational basis of the education reform and professional identification of the Russian language personality]. *Journal of Psycholinguistics*. 2017, no. 4 (34), p. 124–145.

Shaposhnikova I. V. Teoriya aktual'na, poka ona rabotaet [Theory is valid as long as it works]. *Journal of Psycholinguistics*. 2019, no. 3 (41), pp. 156–173.

Zalevskaya A. A. Nekotorye problem podgotovki assotsiativnogo eksperimenta i obrabotki ego rezul'tatov [Some problems of preparing an associative experiment and processing its results]. In: *Eksperimental'nye issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki: uchen. zap. Kalinin. gos. ped. in-ta* [Experimental research in the field of vocabulary and phonetics: scientific notes of the Kalinin State Pedagogical Institute]. 1971, vol. 98, pt. 2, pp. 3–62.

Zalevskaya A. A. *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta: monografiya* [The meaning of the word through the prism of the experiment: monograph]. Tver', TSU, 2011, 240 p.

List of sources

Dictionnaire associative du français (2008–2010) [Associative dictionary of French language]. By M. Debrenn, N. V. Ufimtseva, A. A. Romanenko. URL: <http://dictaverf.nsu.ru/> (accessed: 06.07.2020).

Kiss G., Armstrong C., Milroy R. *The associative thesaurus of English*. Univ. of Edinburgh, MRC Speech and Communication Unit, 1972. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/rali/?q=en/Textual%20Resources/EAT> (accessed: 06.07.2020).

Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. *Word association, rhyme and fragment norms*. The University of South Florida, 1999. URL: <http://luna.cas.usf.edu/~nelson/> (accessed: 06.07.2020).

Podkorpuz assotsiatsiy voennykh [Sub-corpus of associations of military servicemen]. R. A. Kaftanov, A. A. Romanenko (Comps). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 06.07.2020).

Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh (2008 – 2015) [Russian regional associative database (2008–2015)]. By I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko. URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 06.07.2020).

Russkiy assotsiativnyy slovar' [Russian associative dictionary]. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova (Comps). Moscow, 2002, vol. 1–2. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 06.07.2020).

Slovar' assotsiativnykh norm russkogoyazyka [Dictionary of associative norms of the Russian language]. A. A. Leont'ev (Ed.). Moscow, Moscow State University, 1977, 192 p.

Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar'-tezaurus EVRAS* [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS]. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (accessed: 06.07.2020).

Сведения об авторе

Кафтанов Роман Анатольевич – доцент кафедры перевода и переводоведения Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Россия)

rk76@ngs.ru

Information about the author

Roman A. Kaftanov – Assistant Professor, Department of Translation and Translation Studies, Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of Federal Guard Service of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

rk76@ngs.ru